

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М63

Художественное оформление серии
Елены Окольциной

Мир, Ян.

М63 Кай / Ян Мир. — Москва : Эксмо, 2020. — 256 с.

ISBN 978-5-04-106799-1

«Я болен. Мне не покинуть остров. Нельзя оставлять тетю одну», — повторяю, как мантру, в то время как зеленые глаза Аерина прожигают меня насквозь. Не смотри, рыжий лис, я не пойду за тобой. Мы не будем выращивать розы в горшках. Место Кая — в королевстве холода и печали. Место Кая — здесь.

«Мы не имеем права быть друг без друга!» — кричишь в испуге. И ты прав. Но думал ли ты о последствиях? Думал о том, что моя к тебе привязанность может не выдержать испытания, может свести меня с ума? Думал ли о том, что в попытке спасти рискуешь пойти на дно вместе со мной?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106799-1

© Ян Мир, 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Ставлю ладони на влажное бревно, на котором сижу, и свешиваюсь назад, касаясь спиной мокрой травой. Скольжу взглядом по своим серым изношенным кедам, закидываю руки за голову, зарываясь пальцами в мокрую траву. Вдыхаю аромат леса полной грудью, впуская его внутрь себя, а затем медленно, с наслаждением, выдыхаю из легких. Неторопливо облизываю губы, пробуя на вкус еще не вытесненный летним зноем запах недавнего дождя.

Достаю из кармана ветровки плеер с наушниками. Подняв к небу руки, разматываю постоянно запутывающиеся провода, разглядывая через узлы, как резкие порывы ветра гонят свинцовые тучи на запад.

Затыкаю уши и нажимаю на «плей», ограждаясь от всех звуков. Музыка врывается в сознание, вытесняя существующую реальность. Яркие образы, созданные воображением, подхватывают и уносят прочь.

Я замираю и, кажется, даже перестаю дышать. Сердцебиение входит в один ритм с мелодией чужих городов.

Думаю, мне удалось ненадолго задремать.

Ощущение того, что я не один, заставляет резко распахнуть глаза и недовольно посмотреть на того, кто решил разорвать мое единение с природой. Конечно, им оказывается невысокий худой мальчишка. Его короткие рыжие волосы растрепаны и торчат в разные стороны.

Хитрые зеленые лисьи глаза пытаются прочесть мои мысли.

Должно быть, его зовут Аерин. Он садится на бревно, совсем рядом с моими ногами, и шумно выдыхает. Старый велосипед, доставшийся ему после трех братьев, прислонен к дереву. Наверняка мальчишка гнал всю дорогу, старательно срезая в самых опасных местах города, чтобы добраться сюда.

— Кай, где ты потерял свою Герду? — спрашивает он и тут же расплывается в широкой счастливой улыбке.

У меня уже зубы сводит от этого постоянного вопроса вместо приветствия. Помню, когда в первый раз сказал Аерину, что не понимаю, о чем он говорит, заставил его сильно удивиться, а после пришлось выслушать сказку о «Снежной королеве». Я не особо вслушивался, но из рассказа смог выцепить то, что это его любимая история, которую ему бабушка каждую ночь рассказывала перед сном.

В повествовании постоянно мелькал белобрысый паренек Кай, о котором взахлеб рассказывал Аерин.

И, конечно, он что-то упоминал о блондинистой Герде. Девчонке, кажется, приходящейся сестрой Каю. А когда я снова не воткнул, Аерин на следующий день притащил помимо себя и своего велосипеда еще и книгу в красной потрепанной обложке. Пролистав несколько страниц и, наконец, поймав нужную, он с восхищением ткнул пальцем в картинку, на которой художник изобразил мальчика, собирающего ледяные кубики, стоя на коленях.

В ответ я только безразлично пожал плечами, показывая, что ко мне это не имеет никакого отношения. Мои волосы черные, я выше красочного Кая, с королевой не знаком и уж точно никакой Герды не знаю. Но, как выяснилось позже, такие мелочи не имели никакого значения для Аерина. Сославшись на то, что у меня задумчивый взгляд синих глаз, не слишком дружелюбный характер и точно такое же имя, он продолжал видеть во мне героя своей сказки.

— Давно лежишь? — вновь задает мне вопрос Аерин.

Продолжаю молчать, сосредоточенно глядя в его зеленые, с искорками веселья, глаза. Наверняка задумал какую-то пакость. Так и есть.

Он разворачивается ко мне затылком и сползает с бревна, падая рядом на спину. Его пальцы случайно касаются моего запястья. Кожу тут же обжигает огнем. Вспышка боли распространяется к плечу, а затем вгрызается в ключицу. Я внутренне съеживаюсь, слыша чей-то вопль в своей голове, и отдергиваю поврежденную конечность подальше от Аерина, старательно пытаюсь восстановить дыхание.

Замечаю, как мне кажется, красную полоску на своем запястье, где вот-вот должно проявиться клеймо, но ничего не происходит. Жгущая боль уже отступила. Кожа, как и всегда, бледная с голубыми венами, без каких-либо отметин.

Прикрываю рукой глаза и открываю рот. Зубы, до этого крепко сжатые, теперь ноют. Но это мелочь.

Аерин роется в карманах своих бесформенных, на два размера больше, чем надо, штанов темно-коричневого цвета. Елозит спиной по траве, от чего черная футболка, вечно спадающая с острого мальчишеского плеча, слегка задирается, обнажая впалый загорелый живот. Найдя искомое, восторженно кричит, поворачивая голову ко мне, и расплывается в очередной счастливой улыбке, показывая белые ровные зубы.

Я дергаюсь и настороженно смотрю на цветастый пакет, зажатый в его пальцах.

— Знаешь, что это? — говорит он шепотом с заговорщицким видом.

Лисьи глаза слегка прищурены. Я убираю руку от лица, не забывая при этом держать ее подальше от Аерина, прекрасно понимая, что он может опять забыть и в порыве мальчишеского задора, так свойственного нашему возрасту и по понятным причинам обходящего меня стороной, прикоснется ко мне.

— Это семена роз, — с восторгом сообщает Аерин, а потом замолкает, ожидая от меня какой-то реакции.

Я все еще молчу, сочувственно глядя на него. Тогда он начинает так быстро говорить, захлебываясь

фразами, что я боюсь, как бы он не забывал дышать. Но нет, все в порядке. С шумом втягивая ртом воздух между короткими перерывами, он вновь выстреливает в пространство словами, не заботясь о том, какой дискомфорт это причиняет моим изнеженным тишиной ушам.

«Я выпросил у бабушки, круто, да?»

Смотрю в упор на Аерина. Ну да, наверное. Может быть, не знаю даже. Пытаюсь понять, чему он так радуется, и как можно спокойней выдыхаю, прекрасно понимая, что любое непривычное движение с моей стороны он истолкует по-своему.

«Мы теперь сможем посадить розы на этой поляне».

Ну да, в лесу. Где для них нет подходящей почвы. Главное — не выдавать своего удивления по поводу его умственных способностей. Кусаю себя за язык, не позволяя маске безразличия упасть с лица.

«Представляешь, настоящие розы!»

Дышать. Медленно дышать. И не делать резких движений. Даже не закатывать глаза. Радужка со зрачком должна смотреть вперед. Только вперед, в лисьи восторженные глаза.

«Как ты всегда хотел!»

На секунду давлюсь воздухом. По счастливому лицу Аерина вижу, что он принял это за мою «искреннюю радость».

Лично я не припомню, когда хотел или хотя бы заикался о чем-то подобном.

Аерин неожиданно переворачивается на бок, а затем рывком располагает надо мной на выпрямлен-

ных руках, загорая своей спиной слабые лучи солнца.

Я вжимаюсь в землю и стараюсь повторить движение черепахи, когда она скрывается в домике от опасности. Закрываю глаза, представляю себя в одиночестве. Пусть это будет берег. Да, на этот раз это будет берег. Волны теплого моря лижут мои ноги, руки. Шум. Должен быть шум моря. И он появляется.

— Прости, — доносится откуда-то голос.

Не понимаю, кто именно говорит. Хочу, чтобы море заглушило его.

— Я опять забыл.

Тень отступает, и я, открыв глаза, могу снова видеть свинцовое небо перед своими глазами. Только шум моря никак не хочет исчезать. Он становится уже надоедливым.

— Бабушка сказала, что поможет нам. Она расскажет, как выращивать розы. И как заботиться. — Тишина. — Кай?

До меня наконец-то доходит, что это я шиплю, выдыхая воздух сквозь зубы. Перестаю издавать странный звук, даже отдаленно не похожий на тот, который можно услышать, прислонив крупную закрученную ракушку к уху, и успокаиваюсь. Сердце постепенно входит в привычный ритм.

— Я хотел бы уехать, — тихо и как-то по-взрослому говорит Аерин, отворачиваясь от меня к небу.

Протягивает руку к дождевым облакам, сжимает пальцы в кулак.

— И куда ты уедешь? — произношу равнодушно.

Мне правда все равно. Не имеет значения, останется он или исчезнет.

— Не знаю. Куда-то с тобой. — Он не смотрит на меня.

Его голос слегка дрожит. Не могу понять, от смущения или решимости. Скорее всего, второе.

— Со мной? — Глухо, пусто, без интереса.

Не стоит. Я не смогу выбраться из этого города, потому что не хочу. Потому что нет желания. Потому что плевать, где существовать.

— Да. — Уверенно, сильно. — Мы же друзья, — произносит счастливо Аерин, искренне веря в собственные слова.

Только вот мы не друзья. Мы даже не знакомые. Ты просто приходишь сюда, на мое место, и третишь без умолку, не затыкаясь ни на минуту, мешая моему шаткому спокойствию. Врываешься безумным вихрем, снося все выставленные на твоём пути преграды, вторгаясь в чужое пространство, которое я так сильно оберегаю.

Но я не скажу такое. Мне плевать. Плевать и не хочу обидеть.

Закрываю глаза, наслаждаясь вновь воцарившейся тишиной, и засыпаю.

Просыпаюсь от того, что кто-то возится рядом, пытаюсь встать. Этим кем-то, конечно, оказывается веснушчатый мальчишка с вечной занозой в заднице. Самый младший, четвертый в семье.

Поднимается, идет к оставленному средству передвижения. Я залезаю обратно на бревно и наблюдаю за тем, как в вечернем сумраке Аерин переки-

дывает ногу через раму, вырывает дребезжащую мелодию из звонка на руле. Смотрит на вечно сплзающую цепь и тихо шепчет себе под нос, но я все равно слышу: «Я помню, у тебя гаптофобия».

Да, я болен гаптофобией.

Аерин садится на велосипед.

— До завтра, Кай, — говорит он, отталкиваясь от земли кроссовками, внешне такими же изношенными, как и мои серые кеды. — И приходи без Герды! — кричит, поставив ноги на педали.

Я все еще продолжаю неподвижно сидеть, пока след их двоих — Аерина и его велосипеда — не исчезает среди ветвей.

Торопливо стаскиваю с себя толстовку вместе с футболкой. Бросаю верхнюю одежду на влажный песок, не особо заботясь о ее дальнейшей чистоте. Наклоняюсь и непослушными пальцами развязываю шнурки на кедах. Высвобождаю из них ноги, закатываю джинсы до середины икр. Первые капли дождя падают на голую спину, скользят по позвоночнику ниже. Сегодня обещали бурю, и я в предвкушении предстоящего веселья. Пульс стучит в висках. «Быстрее, быстрее», — подгоняю сам себя. Мне не терпится оказаться в центре событий, стать частью непогоды.

Я совершенно не боюсь того, что кто-то может мне помешать. Этот пляж дикий, скрытый от чужих глаз, окруженный со всех сторон высокими деревьями. Пришлось хорошо потрудиться, чтобы его отыскать.

Выпрямляюсь и с наслаждением, сначала медленно, осторожно наступая босыми стопами на мелкие камешки, а затем, не желая больше сопротивляться своему желанию, с брызгами вбегаю в неспокойное море. Его волны разбиваются о мои ноги, долетая каплями до середины груди. Кожа тут же покрывается мурашками. Я замираю и поднимаю голову вверх, зажмуриваюсь от удовольствия.

«Давай же», — шепчу. Я больше не могу ждать. Мне жарко, несмотря на резкие, холодные порывы ветра. Вода мутная, грязная, вперемешку с илом. На беспокойных волнах покачиваются ржавые листья и тонкие палочки. «Ну!» — не сдерживаюсь, кричу. Птицы, испуганные моим воплем, взлетают с ветвей.

Молния вспышкой прорезает небо, следом за ней раскат грома, такой же нетерпеливый, как и я сам. Почти сразу на землю сплошной стеной обрушивается дождь, мешая рассмотреть то, что находится впереди. Но это и не нужно. Там только море. Бесконечное море. И сколько бы я туда ни смотрел, ничего не изменится.

Эмоции зашкаливают. Таким свободным можно стать только в бурю.

Мне нужно вытолкнуть из своей души какую-то странную часть себя, ту, что больна, что мешает жить. Очередной раскат грома заглушает звук дождя. Я вцепляюсь пальцами в голову, выгибаюсь назад и кричу, срывая горло. Если бы я только мог, я бы растворился в этом холодном безжизненном море, чтобы начать жизнь заново, не боясь, что кто-то про-

стым прикосновением может причинить нестерпимую боль. Жить, как другие, как все. Перестаю орать, только когда чувствую, что воздуха не хватает. Не сразу замечаю, как чей-то голос, надрываясь, зовет меня по имени.

Удивленно оборачиваюсь на звук, и волна, словно обиженная моим невниманием, сбивает меня с ног. Вторая накрывает с головой и утаскивает на глубину.

Сопrotивляясь стихии, выныриваю на поверхность. Отплевываюсь от воды и в несколько сильных гребков достигаю берега.

На четвереньках отползаю от моря, и силы тут же покидают тело, я падаю спиной на мокрый песок. Дождь смывает соль с кожи.

Взглядом утыкаюсь в серые тучи. Их тут же загораживает голова Аерина. Конечно, кто же еще мог вычислить мое местоположение. Аерин сидит возле меня на корточках. Лицо бледное, губы трясутся. Он вымок до нитки. Таким я его раньше не видел.

Мое тело бьет дрожь, зубы стучат друг о друга. Я немного наглотался воды, и все же это не мешает смеху вырваться из моего горла. Пытаюсь понять, в чем причина такого спонтанного веселья, и не могу. Переворачиваюсь на бок, не прекращая смеяться. Взгляд сосредотачивается на велосипеде Аерина. Смех умолкает. Аерин всегда заботится о своем средстве передвижения, зная, что другого у него не будет, пока он сам на него не заработает. Его семья не богата, как и моя, поэтому позволить себе расшвыриваться, пусть и старыми вещами, мы не можем. Сейчас же его велосипед лежит в траве с выгну-